12 Лагерная жизнь. Обращения к Богу и их последствия. Брат Иван Яковлевич Антонов

<<<< Часть 11. Продолжение Часть 12

Краткий пересказ историй из свидетельства Ивана Яковлевича

1. Две души из вольнонаёмных:

   Две женщины из вольнонаёмных (жена начальника и начальница с пищчасти) уверовали, что вызвало бурю, и Ивана Яковлевича отправили в штрафную колонию, отобрав Библию.
2. Особое обращение (женщина, с которой ехали на Север):

   Иван Яковлевич познакомился с женщиной с Западной Украины, когда их везли на Север. Она любила слушать о Боге.

   Через три года, когда Иван Яковлевич работал на общих работах, он узнал, что эта женщина ждёт этапа в санчасти.

   Она попросила Ивана Яковлевича встретиться с Наташей, которая также слушала о Боге, но они расстались.

   Иван Яковлевич написал Наташе письмо, и она ответила, что покаялась и радуется спасению.
3. Вор, обратившийся к Богу:

   В санчасти Иван Яковлевич познакомился с вором, который рассказал о своём обращении.

   Его должны были отправить в барак усиленного режима к врагам, и в страхе перед смертью он взмолился Богу о спасении.

   Конвоиры получили приказ отправить их в другой барак, а первый вор был найден мёртвым.

   Это событие убедило вора в существовании Бога, и он покаялся.

   Иван Яковлевич порекомендовал его на должность санитара в санчасти.

   Через две недели Ивана Яковлевича отправили в другую колонию.
4. Возвращение в "штрафную" и помощь начальницы-еврейки:

   Ивана Яковлевича отправили в штрафную колонию, где были очень тяжёлые условия.

   Он молился Богу о помощи, и его перевели в обычную колонию.

   Позже он узнал, что перевод был организован начальницей санчасти, еврейкой, с которой он беседовал о Боге.
5. Ещё одно особое обращение (вор Миша Волков):

   Иван Яковлевич, работая на общих работах, познакомился с молодым человеком, который рассказал, что вор Миша Волков хочет с ним поговорить.

   Миша рассказал, что его хотят убить, и попросил Ивана Яковлевича помочь ему попасть в лазарет.

   Иван Яковлевич предложил помолиться Богу, и на следующий день все противники Миши были отправлены из колонии.

   Миша пригласил Ивана Яковлевича прийти в его барак и рассказать о Боге.

   Через две недели Ивана Яковлевича снова отправили на этап.
6. Встреча с Витей (через несколько лет):

   Через несколько лет Иван Яковлевич, работая завмедпунктом, встретился с Витей, который рассказал, что покаялся и стал верующим.

   Витя рассказал, что его отец, партийный, отказался от него из-за его веры.

   Витя был освобождён через три года и уехал в Молдавию.
7. Помощь верующих:

   Иван Яковлевич получал помощь от верующих в виде писем, псалмов, Библии и посылок.

   Однажды ему не хотели отдать посылку, но начальник сказал: "Отдайте, це Христос ему прислал".
8. Новое уголовное дело:

   В 1953 году, после смерти Сталина, Иван Яковлевич узнал, что на него было заведено новое уголовное дело, но оно было ликвидировано.

9. Последний год на "бесконвойке":
    Последний год срока Иван Яковлевич провёл на "бесконвойке", где были хорошие условия.
    Там обратилась одна вольная женщина, с которой Иван Яковлевич беседовал о Боге.
10. История с женщиной, искавшей Бога:
    На Пасху Иван Яковлевич молился о том, чтобы с кем-нибудь побеседовать о Боге.
    Позже он узнал, что одна женщина также молилась о том же.
    Через месяц Бог привёл Ивана Яковлевича в её дом, и она покаялась.

В отношении того 10-летнего лагерного срока. Условия для тела были очень тяжёлые, ужасные, но меня Бог укреплял. Получал я помощь от верующих с воли. Встречались добрые люди и в лагере, и несмотря на всякие трудности приходилось быть полуголодным и так далее. Бог меня укреплял и за все время жизни в лагере у меня не было ни разу, ни одной минуты, каких-то сомнений, уныния, отчаяние. Не было этого, потому что Бог давал (уверенность). И только однажды в 1949-50-м году, когда нужно было ломать сарай, чтобы дров для кухни заготовить, шёл поезд «Воркута-Москва» и дьявол начал мне рисовать картину, что тут тяжело, мороз 50 градусов, даже трудно дрова ломать одному, а в поезде люди едут в тёплых вагонах, едут в Россию домой, а ты вот... (запись обрывается и продолжается далее уже о другом событии).
... Две души из вольнонаёмных, одна жена начальника, начальница с пищчасти (пищевая часть), что, конечно, вызвало большую бурю, и меня за это отправили на штрафную колонию, отобрали Библию. Спасение души дороже всего я это понимал и радовался, и она радовалась. Расскажу об одном особом обращении.

Девушка была, но я её не видел, и она меня не видела. Было так, когда везли нас на Север и начальник, за то, что я вёл христианскую жизнь, попробовал меня перевоспитать, но не удалось. А потом решил избавиться от меня и вытребовал наряд на 600 километров ещё дальше, на Север. И проводил меня словами:
— Поедешь на Север, там тебе Бог поможет.
— Да, начальник, поможет и там мне Бог, поэтому я не беспокоюсь.
Библию не отобрали, оставили мне. И, когда я ехал эти 600 километров в вагоне, ехали с нами девушки.
Вопрос: Из какой колонии и в какую? Из какого города?
Иван Яковлевич: Там номера колоний были, отделения, а городов не было. Но это всё в Коми АССР было, все 10 лет я там отбыл. И естественно говорил о Боге там. Ехали ещё врачи заключённые, их куда-то перевозили отдельно. И мы беседовали о Боге. И вот одна девушка, сама с Западной Украины, сильно любила слушать о Боге. И мы с ней много беседовали. А потом их в одну колонию сгрузили, а меня дальше повезли на Север. И, когда привезли, я понимал, что Бог меня переводит на другое место, чтобы быть свидетелем Его любви. По прибытию я понял, что там намного лучше, и в отношении для тела, и работы. Появились несколько душ, которые слушали о Боге, любили Бога и покаялись. Поставили меня заведующим баней, на некоторое время, и мы в бане проводили собрания, пели кто как мог. Заходил начальник туда: послушал, поулыбался. Наверное, улыбался нашему нестройному пению. Спросил, что мы тут делаем, и узнав, что Богу молимся, сказал: «Молитесь» и ушёл. А были и противники, которые протестовали, но Бог разрешал. Хочу сказать за эту девушку, она яркое свидетельство того, что для Бога нет ничего невозможного. В 1949 году в лагерях отделили женщин от мужчин и для них сделали отдельные колонии.

Спустя три года, когда меня определили на общие работы после снятия с санчасти за то, что там покаялась душа, пришёл я как-то с общих работ и мне говорят, что женщина в санчасти лежит, ждёт этапа. Я вспомнил по фамилии, что это та женщина, с которой мы ехали и я ей говорил о Боге. Я решил посетить её, там это не разрешалось, но и не запрещалось. Сидела она отдельно в секции. Я зашёл, поздравствовался, она меня узнала, спросила, как здоровье, как живёшь, о Боге поговорил, и она говорит мне:

— Ой! Если бы вы встретились с Наташей, которая была со мной в колонии, она так любит о Боге слушать, а я-то ничего не знаю, мы расстались с ней. Вот если бы вы с ней могли встретиться.

— Ну, как же встретиться, уже разделили колонии и не встретимся мы.

А Дух подсказал: «Спроси её фамилию и адрес, может напишешь письмо, она ответит и письменно можно свидетельствовать». Спросил, она сказала мне фамилию, где она работает, чтобы легче найти. Колония эта была в 12 километрах от нашей. Но письмо передать нельзя туда, нельзя из лагеря в лагерь заключённым пересылать письма. И только я так подумал, побеседовал с ней с час, прихожу к себе и сразу решил написать письмо. Только начал, подходит один знакомый человек ко мне, бесконвойный, и говорит:

— Тебе не надо ничего на женскую колонию передать или спросить там что-то? Меня завтра туда командируют.

Ну, думаю, вот слава Богу, как раз мне и почтальон нашёлся, чтобы отправить письмо.

— Мне нужно письмо передать, — и называю её фамилию и место, где она работает.

— А, я её даже знаю. Ну, хорошо, давай.

Я передал ему письмо, а в нём написал откуда я узнал о ней и о Боге написал. Этот же бесконвойный на другой вечер от неё ответ принёс. Она пишет, что этим письмом о Боге я принёс ей радость. И мы стали переписываться. Около месяца прошло, она пишет: «Я сама покаялась, и Бог переродил мою жизнь, теперь я радуюсь спасению, я счастлива». И потом описывает, что понятно почему её осудили и почему привезли на Север. На воле она учительницей работала, а осудили её по наговорам и дали 10 лет. «А теперь я вместо уныния радуюсь, что через эти страдания и скорби я нашла Бога, нашла спасение!». Затем, с этой колонии меня отправили, и через месяц я уже с ней потерял связь. Слышал, что она стала искренне верующей. Но не знаю освободилась она или нет, потому что ей ещё оставалось 4 года до конца срока. Возможно, когда была комиссия по амнистии в 1953 году, она освободилась, но на воли я её не встречал. Сама она из Белоруссии была. Для меня это было одной из больших радостей. Вообще, когда каются грешники, радуются ангелы и радуются верующие люди.

И ещё один такой пример, особенно выдающееся покаяния человека, я бы сказал. Был такой один из воров, который в детдоме воспитанный, ни отца, ни матери и до 44-х лет был вором. Только грабил людей, обворовывал. Убивать не убивал, а технично обворовывал. И на простых людей такие, как он, обычно, наводили ужас. Я работал в санчасти, после приёма приходит он и спрашивает:

— Ты верующий?

— Да, верующий.

— И я верующий.

Я обрадовался и говорю:

— Хорошо, а где ты уверовал?

— Это надо с полчаса рассказывать.

— Хорошо, после подойдёшь перед отбоем, мы посидим и поговорим.
И он рассказал мне о своём обращение. Его с колонии отправляли в БУР (*барак усиленного режима в местах лишения свободы. Туда отправляют заключённых за нарушение правил заключения, например, за употребление алкоголя или наркотиков*). Так как воры были разделены, между собой враждовали и убивали друг друга, их привезли двоих в БУР и поместили к их противникам. И они говорят, что в БУР не против, но вы сажаете нас к противникам нашим, а нас там задушат или убьют, как только заведёте. Конвоиры на слова не поверили, а сверились с документами, в которых были указаны именно эти бараки. Связали их и потащили туда. Сначала утащили первого товарища, а второй уже через несколько минут понял, что тот уже мёртвый, а врагов там человек 70.
— И меня несут туда связанного, и, когда занесли в ограду БУРа, страх перед смертью заставил меня обратиться к Богу и я про себя взмолился: «Если Ты, Господи есть, то спаси меня от этой смерти!». И только я эти слова проговорил смотрю с вахты бегут и что-то кричат. Конвоиры остановились и держат меня, те подбежали и говорят, что позвонил оперуполномоченный всё перепутали, нам нужно не в этот БУР, а в другой, куда мы и говорили. Мне развязали руки, сказали: «Иди, побудешь на колонии, а вечером отведут тебя в барак, потому что сейчас конвойных нет». Пошли они в барак за тем, которого первым завели, а он уже был удушен, и мёртвый лежал. Его вынесли мёртвого, а я, от таких переживаний понял, что раз обратился к Богу, значит Бог услышал мою молитву. И у меня появилась вера и я понял, что Бог есть. Попросил покурить от переживаний. Захожу в первый барак, вижу старичок сидит, что-то читает. Смотрю, а он читает Евангелие. Я попросил его прочитать что-нибудь. Он видит, что я переживаю... рассказал ему эту историю, он прочитал мне из Евангелия от Луки, как разбойник покаялся перед самой смертью, и Христос сказал ему: «Ныне же ты будешь со Мной в раю». И тут я падаю на колени и приношу покаяние. После этого покаяния Бог меня переродил. Все желания ушли, курить не хотелось, я стал новым человеком».
Я обрадовался такому его свидетельству, мы стали встречаться, беседовать.

Старший фельдшер мне говорит, что нужен им хороший санитар, потому что каждый день происходит воровство, то сахар, то простыни крадут. Не знаю ли я какого-нибудь хорошего человека, чтобы присматривал по этой части за больными.
Вопрос: А кем вы работали в колонии?
Иван Яковлевич: Работал я фельдшером, завмедпунктом был старший фельдшер, а я его помощником. Лекпом — такая была должность у меня, лекарский помощник. Порекомендовал я этого человека и предупредил, что тот в прошлом был вором, но сейчас стал человеком новым, верующим и уже воровством не занимается.
Старший спросил уверен ли я в нём.
— Да, — говорю, — Я уверен, он новый человек и он уже этим больше заниматься не будет.
Взяли его, он понимал лагерную жизнь, людей видел, (можно сказать насквозь). И у нас был полный порядок: он довольный, мы довольны. Проходит неделька, начальнику доложили за него, тот вызывает нас обоих, и говорит:
— Кого вы взяли себе санитаром? А вы знаете, кто он такой?
Я говорю:
— Знаю, гражданин начальник, он бывший вор. С детства вор, всё время сидит по тюрьмам и лагерям. Но сейчас он покаялся, уверовал в Бога и больше этого делать не будет.

— Ты мне тут сказки-басни не рассказывай! — говорит начальник. — Он у вас там все «калики-моргалики» (*калики–моргалики – (сленг) любые фармакологические препараты, употребляющиеся не для лечения, а по потребности (в качестве наркотического средства)*) заберёт или людей отравит...
— Гражданин начальник, поверьте мне, я знаю его, да и мы отвечаем за санчасть тоже...
Начальник согласился, но со строгим предупреждением.
И всё было хорошо недельки две, наверное. Потом меня отправляют с той колонии в другое отделение несмотря на то, что врачи хотели меня оставить здесь, но не оставили, отправили. Потом я попал на штрафную за то, что там уверовал вольнонаёмный и меня за это на штрафную отправили. Вот там было очень тяжело, нужно было 6 километров ходить на лесоповал, а снег по пояс. Оттуда мокрый возвращаешься и пока вся зона соберётся часа полтора ждёшь. А на тебе уже все замёрзло и пока эти 6 километров идёшь, очень устаёшь. Пришёл, упал на нары, голодный, и уже нет сил в столовую идти. Я молился: «Господи, Ты видишь, что я изнемогаю, не могу ходить...» И Бог вступился (за меня), нашёл Он людей. Вечером прихожу с работы и мне говорят: «Нарядчик, собирайся тебя отправляем на ЦОЛП (*центральный лагерный пункт*)». В обыкновенную колонию. Я обрадовался, поблагодарил Бога, вначале думал, что это неправда, а потом оказалось правдой. Отвели меня на ЦОЛП, там условия были лучше, работа более лёгкая: лёд вытаскивали с реки. И люди лучше, чем на штрафной. Потом я узнал, кто на меня затребовал этот наряд — добрая начальница санчасти, по национальности еврейка. Она была на колонии, и я с ней беседовал, она расположилась к Богу, и потом узнав, что меня на штрафную колонию отправили вытребовала через управление наряд, и меня возвратили снова на эту колонию.

Ещё одно особенное обращение было человека из преступного мира. Я был на общих условиях через года два или три на этой же колонии, и кстати сказать, за 10 лет я поменял 33 колонии, все они в Коме АССР. И переводы из колонии в колонию чаще всего были по причине обращения душ к Богу. Ещё, бывало, переводили меня как фельдшера, когда не было медработников. На тот момент фельдшера, завмедпункта и врачи были все из заключённых. Только начальник санчасти был вольный.
Как-то я на общих работах был, мы ремонтировали железнодорожные пути. Дело летом было, только начали умываться, прибегает ко мне молодой человек, один из представителей преступного мира, и говорит:
— Иван Яковлевич! Вы свободны?
— С работы пришёл только что, умоюсь и буду свободен.
— Вор Миша Волков хочет с вами по очень важному вопросу поговорить.
— А что такое?
— Я не знаю, он будет сам говорить. Можешь прийти в барак?
— Могу, а если у него важный разговор, то почему в бараке? Там же люди, пусть придёт сюда и за бараком мы постоим.
Тот пошёл. Через время идёт этот Миша — высокий, здоровый, вижу переживает сильно что-то. Подошёл, поздоровались, и он мне говорит:
— Ты знаком с завмедпунктом?
— Да, знаком...
А завмедпунктом был нарком земледелия Дагестана. В лагере он стал лекпомом и лечить людей взялся, но в медицине, конечно, ничего не понимал, мог только температуру мерить и так

поверхностно ещё что-то. Как-то меня вызвал этот нарком земледелия Дагестана и говорит:
— Я знаю, что ты фельдшер, ты хоть понимаешь в медицине, я-то ничего не понимаю. Если будет какой-то тяжелобольной, можно тебя пригласить?
— Да, конечно, можно.
И один больной умирал, его пришлось спасать, вплоть до того, что вскрывали вены, чтобы кровь выпустить. И лекпом этот говорит, что если мне надо освобождение или доппаёк, то можно прийти и он всегда выпишет. Так я был знаком с ним, но этим не пользовался, работа не очень тяжёлая была.
Так вот, этот Миша говорит:
— Ты попытайся, чтобы завмедпунктом меня отправил в лазарет. Уже пятые сутки ко мне приходят три, четыре, пять человек с ножами, чтобы меня зарезать. Я встаю в угол с двумя ножами и говорю им, пока вы меня зарежете, я вас двоих тоже зарежу. И никто не решается умирать. Постоят, постоят, попрыгают, а никто не нападает. Я уже пятые сутки не сплю, днём подремлю, но они же и днём иногда приходят, чтобы меня внезапно застать. Двое дневальных сидят, в окна смотрят ночью, как идёт кто, то они меня предупреждают, я тут же в угол встаю, вот такое положение.
— Миша, я-то могу поговорить, но ты же знаешь, что вас не отправят никуда без разрешения оперчасти. А оперчасть не разрешите, вот и всё.
— Ну ты поговори.
— Ты знаешь, что я верующий?
— Да!
— Давай помолимся, и Бог как-то тебе ответит на эту нужду.
— Но я не верю в Бога и молиться не могу.
— Тогда я помолюсь за тебя...
И я, там за бараком, преклонил колено и принёс Богу короткую молитву, встал с коленей и у меня появилась такая вера, что Бог избавит его от этих людей. И я сказал ему об этом. Прошли только сутки, на следующий день прибегает этот же молодой человек, вижу, радостный:
— Миша сказал, чтобы ты пришёл в барак, у него большая радость там.
Я умылся, поужинал и пошёл.
— Ты знаешь что?! Наверное, Бог твой есть. Всех моих противников отправили с колонии и теперь я свободный, могу спать нормально.
— Теперь, Миша, надо поблагодарить Бога.
— Но я не верю.
— Теперь ты должен верить. У тебя же было безвыходное положение и только мы раз помолились (и Бог все разрешил).
И он говорит мне:
— Поблагодари Бога ты и теперь приходи в наш барак я буду слушать о Боге, и все мы тут будем слушать.
А там были собраны одни преступники, зайдёшь к ним в барак: кто наколки делает, кто пляшет, кто поёт, кто в карты играет — такой микроад.
Когда я приходил, он как старший давал команду прекратить всё, и я рассказывал о Боге. Ходил я к ним недели две, каждый вечер им рассказывал о Боге. Вопросы задавали разные. Покаяний не было, и Миша этот не покаялся, а слушать слушал.

Потом меня отправляют на этап. Бухгалтер подошёл ко мне как-то из заключённых и говорит:
— Поедем со мной, мне нужен счетовод на колонию, что ты тут на общих работах будешь?
— Да, я счетоводом никогда не работал.
— Ну, ты же грамотный человек. Поедем, я тебя научу.
И убедил меня. Перед самой отправкой прибегает тот молодой человек, что от Миши приходил, отзывает меня в сторону и говорит:
— Миша передал тебе 70 рублей на дорогу...
Я тогда зарабатывал 5 рублей в месяц и это были для меня большие деньги.
Я говорю:
— Витя, мне деньги в дорогу нужны, конечно, но как я их отдам?
— А Миша сказал, чтобы я отдал тебе без возврата, чтобы не было даже разговора. Это так, просто на твои нужды.
— Я поблагодарил и эти деньги мне очень пригодились.
Проходят два или три года, я уже на новой колонии был, опять поставили меня завмедпунктом. Вдруг приходит с селектора женщина вольная и говорит:
— Идите, вас зовут к селектору, какой-то голос мужской.
Я подумал, что по селектору меня может начальник санчасти вызывает или кто-то из управления. Прихожу и рапортую, что такой-то слушает. А там кричат по селектору:
— Приветствую тебя, Иван Яковлевич, любовью Иисуса Христа!
Я удивился, немножко даже растерялся: как, откуда, что это, или провокация какая? Молчу. А он говорит:
— Что молчишь? Не узнаешь по голосу?
— Нет, не узнаю.
— А помнишь Витю, тот, который года три назад за Мишу говорил, и ты ещё приходил в барак к нам о Христе говорил?
— Помню.
— Так вот, я теперь покаялся, я новый человек уже, я всё бросил... Я с Матвеем Семёновичем встретился...
А Матвей Семёнович — это свояк, который потом стал мужем сестры моей жены, Лины. Он в лагере уверовал через меня.
Я обрадовался и говорю:
— Приветствую, Виктор!
Потом мы переписывались, и вот что я узнал. Когда он уверовал сразу написал от радости домой письмо. Ему было 23 года, у него уже была четвертая судимость – групповое ограбление магазина с убийством сторожа — 25 лет лишения свободы. От радости написал письмо домой, что теперь верующий, уже не вор и так далее и звал родных своих к Богу. И к нему с Орловской области приехал отец. А тогда свидания не давали, но он в связи с таким обстоятельством пошёл к начальству и ему дали на вахте свидание с сыном. И тогда отец ему сказал: «Если ты будешь верующим, то я отказываюсь от тебя как от сына». Человек он был партийным. «А если хочешь, чтобы я считал тебя сыном, бросай всё...» А Виктор ему ответил: «Папа, когда я вором был, и у меня четвертая судимость, я 25 лет сейчас имею, ты меня считал за сына. Теперь, когда я стал верующим, стал человеком, бросил воровать, курить, пить всякую гадость, ругаться, ты от меня отказываешься?!» Отец ответил на это: «Ты подумай над моими словами. Я тебе сказал, а ты

решай!». Но Витя сообщил ему, что уже всё решил, что не откажется от этого и будет верить в Бога (потому что получил освобождение от оков греха). И на это отец перед уходом ответил: «Я от тебя отрекаюсь!». И больше письма ему он не писал, мать иногда посылку пришлёт или письмо, а он отказался от него совершенно. Я больше с этим Витей не виделся, только узнал, что его какая-то комиссия через три года освободила, 25 лет он не сидел. И по слухам, когда он из лагеря освободился, уехал не домой, а в Молдавию и больше я о нём ничего не слышал и не знаю. Такое вот было обращение.

Вопрос: Хочу уточнить, это тот Витя, который жил в бараке, куда вы приходили каждый день в течение двух недель свидетельствовать?

Иван Яковлевич: Да, это он. Миша не уверовал, а он уверовал. И он уверовал не через меня, а встретился с Матвеем, который уверовал через меня, тоже там. А Матвей переписывался со старшей сестрой Лины, потом освободился, приехал и женился. Вот сейчас они живут вместе.

Вопрос: Это вы их познакомили?

Иван Яковлевич: Да, собственно говоря, познакомил их я.

Вопрос: Вы знакомили обычных заключённых, уверовавших через вас, с верующими на свободе и адреса давали им ваших знакомых верующих из Кировограда?

Иван Яковлевич: Да, старался, чтобы как-то приобщить их к верующим. И уезжая с колонии я всегда говорил, что, если кто освобождается должен потом искать верующих. Естественно, они и сами бы искали. А те, которые в лагере сидели некоторым я давал адрес. Всякий спасённый ищет подобных себе по духу. И я всегда говорил освобождающимся, чтобы они искали верующих, а те, у кого срок был большой желали переписываться с верующим. И я давал адреса на воле верующих, они переписывались. Так и Матвей, уверовав там, стал переписываться с сестрой моей жены. И после его освобождения они вступили в брак.

Моей жене (Лине), тогда ещё бывшей невесте тоже обвинение предъявили, что она агитирует, и в 1950-м году ей дали 25 лет лишения свободы за это. Она отбыла там 5 с половиной лет и её комиссия освободила.

Собиралось дело на меня, чтобы дать второй срок, когда закончатся мои 10 лет. А тогда срока были большие — за агитацию 10 лет.

Вопрос: А родные ваши, о вас заботу какую-то проявляли?

Иван Яковлевич: Во-первых, я у них ничего не просил. Письма писал, и их звал к покаянию, к Богу. Отец неверующий был и потому противился. Мать плакала из-за того, что меня посадили на 10 лет. Помню одну посылочку они прислали к Пасхе. Мама, по-видимому, считала, что в тюрьме сидят люди, которым надо помогать ради Христа - так она была научена. Не принимали они Господа через мои письма, в ответ отговаривали меня от веры в Бога: ты получил срок, сидишь в тюрьме за эту веру...

Вопрос: В то время заботу верующих, заботу Церкви вы на себе чувствовали? Сейчас есть Совет родственников узников, которые забоятся о каждом узнике. Как вы себя чувствовали, находясь в заключении?

Лина (супруга Ивана Яковлевича): Наверное, нет. Тогда такого не было и поддержки не было.

Иван Яковлевич: Я уже сказал, что несмотря на всякие трудности, голод и холод Бог меня хранил. Я ощущал Его постоянную заботу. Верующие тоже оказывали мне помощь, в виде того, что письма писали, писали псалмы, Библию мне прислали. И, когда была у меня действительно

нужда, я получал посылки. Посылки тогда не ограничивали, но только заключённый должен знать, от кого её присылают. Я получал из Латвии две посылки, из Белоруссии, с Украины. Немного получал, но именно в нужный момент, когда была очень большая нужда в этом и Бог мне посылал такое подкрепление. Организованной, как сейчас, помощи не было, но такая помощь была со стороны отдельных верующих, которые узнавали обо мне через письма.
Однажды было и такое, что пришла посылка из Прибалтики, меня вызвали, просят обратный адрес, а я не мог его сказать. Там считали, что раз ты не знаешь адреса, не знаешь от кого, значит эта посылка не твоя, а чужая. Я объясняю им, что это верующие, которые узнали обо мне и прислали, но я не знаю их и они меня заочно только знают. Мне не верили и не отдавали посылку. Однажды дошло это до начальника, тот пришёл, и я ему всё объяснил, и он говорит:
— Ладно! Отдайте, це Христос ему прислал.
— Не Христос, а верующие прислали, хотя можно и так сказать.
А один раз из Прибалтики прислали посылку, но оперчасть не разрешила мне её выдать и отправили её назад. Но обычно отдавали. Так что помощь я эту тоже чувствовал.

Чувствовал и молитвы верующих, потому что иногда были тяжёлые моменты и молиться с трудом приходилось, именно тогда я чувствовал, что духовные силы ко мне возвращаются, а это значит, что за меня молились, хотя не так организовано, как это делается сейчас.
В 1953 году, после смерти Сталина, один из начальников вольнонаёмных приходит ко мне и говорит:
— Слава Богу, теперь я тебе скажу. На тебя было заведено новое уголовное дело, за твои лагерные дела. И как только твой десятилетний срок заканчивался, то тебе бы объявили новый срок: 10 лет лишения свободы. А теперь я узнал из достоверных источников, что дело твоё ликвидировали, как только твой срок закончится, поедешь домой.
Я так и предполагал, потому что водили меня на допросы, и я понимал, раз допросы пишут на бумаге, это же не для каких-то архивов, а делают это с другим умыслом.
Вопрос: На допросах, какие обычно вопросы вам задавали? Насчёт обратившихся верующих?
Иван Яковлевич: Да, спрашивали как я с ними познакомился, что им говорил, какие письма получал и так далее. Я понимал, что они ведут дело на меня. Письма, которые присылали мне, они частично перепечатывали. Потом мне уполномоченный ставил в обвинение тексты из этих писем, в частности из писем от Лины. И мои письма проверяли. Мы там о Боге писали. Слово «сатана» их сильно смущало. Однажды старший оперуполномоченный приехал, меня вызвал и говорит:
— От твоей невесты письмо пришло, в нём она пишет: «Ванечка, берегись сатану, он обольститель...» За кого это она пишет?
— За сатану и пишет. За кого же ещё, что же вы, не понимаете?
— Нет, я не понимаю. Она, скорее всего, не сатану имеет ввиду. У меня бабушка была и, если кошка сметану съест с молока, она кричит: «Вот, сатана, съела сметану!».
Я говорю, что сатана это дух, который делает всякое зло: убивает людей, склоняет к разврату, влечёт на всякое зло. Живёт он и в кошке, и в людях.
— Нет, это она пишет, скорее всего, о Сталине и о нас?
— Если вы делаете зло, то и в вас тогда сатана.
Он замолчал, а записать всё равно себе записал.

Конечно, очень много было свидетельства для начальствующих. Везде, где бы я не был, они интересовались о Боге. Большинство из них интересовались «концом света», этот вопрос их тревожил. А после смерти Сталина, этот же старший оперуполномоченный, который много старался мне сделать зла, и он же был инициатором моих перемещений между колониями, вызывает меня и говорит:
— Я вызвал вас для хорошего дела. Мы хотим вас послать на бесконвойку. Вы правила там нарушать не будете?
— Конечно не буду нарушать, но с вашей точки зрения вы будете считать, что я нарушитель.
Оказывается уже прошла комиссия Верховного Совета и уже освобождать начали людей. Вот нас и вывезли на бесконвойку. Последний год срока я находился там, уже нормальный отдых был, и питание было хорошее. И Библия у меня была. Там и обратилась одна вольная женщина. И о ней хочу рассказать.
Была Пасха, заключённых всех я поздравил с Пасхой, а так как условия содержания хорошие были, то их уже Бог мало интересовал, хотя были две души, которые внимательно слушали Слово.
Иду вдоль леса и речки, а там три домика стоят, молюсь дорогой: «Господи, сегодня Пасха, такой день, как хорошо было бы, если бы с кем я побеседовал, помолился, сказал бы о Тебе, воскресшем Христе». Так помолился кратко и Дух сильно влёк меня зайти в один из трёх домиков, в среднюю хату. Хотел было уже зайти, а дьявол остановил: «Что ты пойдёшь туда? Там люди может пьют, гуляют, а ты зайдёшь и к тебе вопросы будут «кто такой, чего пришёл?» И я не пошёл, а потом убедился, что нужно было зайти. Там была душа, которая тоже молилась об этом же, чтобы в этот Пасхальный день Бог прислал какого-нибудь человека рассказать о Боге. А как я узнал об этом? Бог меня привёл в тот дом, но уже через болезнь.
Из геологической партии инженер, пришедший ко мне удалить зуб, пригласил меня в тот дом. Говорит, что там хозяйка больная и необходимо её полечить. Я пошёл, водку не пил, конечно, а покушать покушал с ними. Женщина там была ещё, и она говорит:
— Сестру полечили, а теперь и меня. У меня бессонница, я мучаюсь, не сплю...
— Хорошо, таблетки-то я могу дать. — а сам вижу, что она на нервной почве не спит. — У вас же это на нервной почве. Христос сказал: «Придите ко мне все труждающиеся и обременённые и Я успокою вас». Если в Боге найдёте покой, то таблеток вам не надо.
— Вы мне таблеточки-то принесите, а о Боге-то мы поговорим.
И мы стали беседовать с ней о Боге, недельки две прошло — она покаялась, и вся жизнь её изменилась: стала хорошо спать, покой нашла, таблетки перестала принимать. И тогда она мне рассказала, что в Пасху была одна дома и перед иконой молилась по-православному, чтобы Бог послал ей какого-нибудь человека, поговорить о Боге. Я ведь в тот момент молился тоже об этом, и Дух меня влёк пойти в дом. И была бы большая радость и у неё, и у меня. Но я угасил Дух, послушал другого духа, духа злобы, который отвлёк меня. Но путём болезни через месяц Бог меня привёл в этот дом, и она покаялась.
Я особенно хочу сказать служителям – не угашайте Духа. Мы более духовные люди, и если мы молимся, нужно прислушиваться к тихому веянию Духа. Это блаженное хождение, о чём Иван Вениаминович Каргель очень хорошо писал. О жизни его свидетельствовали мне его дочери, с которыми я встречался, в частности Мария рассказывала о том, что он был водимый Духом Святым. Здесь в Сибири она была на ссылке в Яшкино, Новосибирской области. Я по поручениям

братьев ездил к ней в отношении одного письма, которые, якобы, она написала....

Источник: аудио - Лагерная жизнь. Обращения к Богу и их последствия - Антонов И.Я

Продолжение в 13 части

Комментарии
